

* * *

Продолжением разговора об имперской политике на национальных окраинах служит следующий очерк, переносящий читателя на Северо-запад, в Великое Княжество Финляндское. На материале этнографических сочинений и монархической публицистики второй половины XIX в. прослежена эволюция стратегий по формированию общественного мнения в отношении национальных меньшинств (финнов и карел). Идея благополучной интеграции новых подданных в имперское тело постепенно сменяется эскалацией «конфликтной» стратегии. Консервативные публицисты стремятся оправдать репрессивную политику власти по отношению к подданным, которые были заподозрены в сепаратистских намерениях. Результаты такой стратегии оказались самыми плачевными для самой имперской власти.

1.3. Конструирование конфликта между метрополией и окраиной Российской империи*

Тимур Гузаиров

Итогом Северной войны стало перекраивание между воевавшими империями географической карты. Согласно Ништадтскому мирному договору (1721), к России отошли территории Ингерманландии, части Карелии, всей Эстляндии и Лифляндии. Швеции была возвращена часть Финляндии, завоеванная в ходе войны, и выплачена компенсация. Новая война 1788–1790 гг. не изменила имперской карты: территориальные требования Швеции были отвергнуты Россией. Затем, после новой войны и подписания Фридрихсгамского мирного договора (1809), к России была присоединена вся Финляндия, таким образом, деление ее территории на две части — Восточную (или русскую) и Западную (или шведскую) — было на географической карте преодолено. Однако заочное противо-

---

* Работа выполнена при поддержке гранта ЭНФ № 7901 ««Идеологическая география» западных окраин Российской империи в литературе». Параграф написан на основании статьи автора: Конструирование этнополитического образа: финские «туземцы» и «верноподданные» Российской империи // Russian Literature. 2012. Vol. LXXI. № II. С. 157–171.

стояние между двумя империями продолжилось внутри «воображаемой» карты, в частности, при изображении финнов и карелов в литературе и публицистике.

Обратимся к многотомному сочинению «Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении». Издание было объявлено под редакцией П. П. Семенова (будущего — Тянь-Шанского), вице-президента Императорского географического общества¹. Второй том альманаха был посвящен репрезентации Северо-Западных окраин Российской империи и состоял из двух частей: первой — посвященной Великому Княжеству Финляндскому, второй — описывающей Прибалтийский край.

В задачу издания входило широкомасштабное описание населяющих Россию народов и также, вероятно, определение места и роли каждой нетитульной нации в составе империи.

Обратимся к двум этно-идеологическим портретам жителей Великого Княжества Финляндского:

Финны <...> разделяются на две половины: *Сумь* и *Карелу*. Сумь занимает югозападную часть Вазаской губернии, всю Абовскую, большую часть Тавастгусской, весь север Нюландской и западную часть Выборгской губернии. Карела занимает всю остальную Финляндию, выходя и за пределы ея — в губернии Архангельскую, Олонецкую и С.-Петербургскую. <...> Вообще Карел представитель, так сказать, солнечной стороны финского характера, с его впечатлительностью и живостью. Западный Финн, Емь и Сумь, служит представителем сосредоточенной молчаливости, упорства и настойчивости. Он не сохранил у себя преданий, ни песен давней старины [Живописная Россия: 65–66].

Использование шведских/российских топонимов и описание этно-дифференцирующих черт двух народов выявляют отчетливую идеологическую конструкцию, в основе которой лежит представление о «правильном» — полноценном и «неправильном» — ущербном подданном. Карел, восточный житель,

---

¹ Издание имеет сложную и не до конца исследованную историю. Степень реального участия П. П. Семенова в его редактировании остается невыясненной.

территория которого вошла в состав Российской империи еще в 1721 г. и которая непосредственно соприкасается с исконно русскими губерниями, воплощает истинный, положительный дух нации, точнее, финского *верноподданного*. Финн, проживающий в западной части Финляндии, бывшей территории Шведской империи, описывается духовно малоразвитым существом. М. В. Лескинен также отметила, что многие

...русские авторы этнографических описаний <...> не делали различий между карелами Финляндии и так. наз. русскими карелами (русских губерний), и в таком контексте их симпатии явно были на стороне «своих» финнов. Описание карел изобиловало подобными признаниями: «В отношении к другим <карел> чрезвычайно мягок, любезен и обходителен. Простота, доброта, добродушие <...> могут в сочетании дать симпатичное, милое лицо, гораздо чаще встречающееся меж карелами, чем между финнами Центральной и Западной Суоменмаа» (цит. по: [Лескинен: 254]).

Таким образом, с точки зрения имперской метрополии, этническая идентификация и дифференциация коренных жителей одной окраины, как и характер их описания определяется, в том числе, индивидуальной идеологической маркировкой.

Интересным представляется вопрос о мере воздействия литературы на сознание чиновников (как читателей этнографических описаний), о влиянии «воображаемых» представлений о народах на реальную политику управления краем в целом.

Во второй половине XIX в., по мере усиления сепаратистских тенденций, на первый план выходит проблема имперской интеграции завоеванной окраины и финнов как ее жителей. Политический вопрос изменяет и структуру, и идеологическое наполнение дихотомии «финны» — «карелы». М. Бородин, автор сочинения «История Финляндии. Время Императора Александра II» (1908), указал русскому читателю на несправедливые, с его точки зрения, решения правительства Великого Княжества Финляндского по отношению к карелам. Историк констатирует:

<...> главный источник доходов карелов — разносная торговля в Финляндии — запрещена и к уничтожению ее финляндским на-

чальством принимаются строгие меры. <...> Подобное стеснение торговли карелов в пределах Великого Княжества Финляндского <...> окончательно расстраивало их благосостояние и не согласовывалось с тою свободой, которою пользовались уроженцы Финляндии по производству торговли и промыслов повсеместно в империи [Бородкин 1908: 449].

Автор ссылается на авторитетные мнения, например, цитирует суждение капитана Генерального штаба Герца:

Современное финляндское правительство, унаследовав от Швеции религиозную ее нетерпимость, полагает всевозможные преграды всему русскому и православному. <...> Дошедшее до нищеты и остающееся в невежестве карельское православное население забыло предания своих отцов; убогие храмы, запущенные в настоящее время, и разваливающиеся повсюду часовни служат доказательством, как оскудевает в православных воодушевлявшее их прежде святое чувство [Там же: 451].

Обратим внимание на то, что принадлежность карелов православию позволяет авторам почти что отождествить их с русскими. У Бородкина все материалы о карелах и их взаимоотношениях с финнами были приведены в главе XIII, имеющей знаковое заглавие — «Отношение финляндцев к русским».

Положительный или отрицательный портрет карела, в частности, служил зеркалом и мерилom оценки взаимоотношений между метрополией и окраиной, русскими и финнами. Этнополитические описания формировали резервуар, из которого черпались материалы как для строительства и репрезентации верноподданнического образа нетитульной нации, так и для идеологически выгодного объяснения «неправильного», враждебного поведения по отношению к русским представителям империи.

Рассмотрим сюжет об отношении к титульной нации на северо-западной окраине сквозь призму двух сценариев поведения финнов.

Вернемся к альманаху «Живописная Россия». Вторая часть второго тома — «Прибалтийский край» — открывается двумя эпитафиями. Первая сентенция взята из сочинения С. М. Со-

ловьева, в котором историк определил геополитическое значение приобретения Россией этой территории:

Долго шла Россия на Восток, дошла вплоть до Восточного океана; но сильно истосковалась наконец по Западному морю, у которого родилась, и снова пришла к нему за средствами к возрождению [Живописная Россия: II, 130].

Второй эпитафия — это отрывок из латышской песни, в которой народ в поэтической форме выражает свое положительное отношение к русскому:

Русскому я даю свою сестрицу
А сам себе беру литвинку,
Хожу к русским, хожу и к литовцам
Ведь мне зятя, — родня [Там же].

Таким образом, эпитафии задают определенное про-«имперское» прочтение всей второй части о Прибалтийском крае.

Первая часть, или изображение Великого Княжества Финляндского, лишена эпитафий, которые определили бы и сформировали желаемое читательское восприятие. Однако исторический очерк о Финляндии предваряется первым финским эпитафией, текст которого взят не из народной песни (как в историческом очерке о Прибалтийском крае). Автор приводит две строфы из ставшего позднее национальным гимном стихотворения Йохана Людвиг Рунеберга: «Храни, о Боже, край родной / Твоей всесильною рукой <...> И нет нигде земли другой / Нам так же милой, дорогой» [Там же: I, 3].

Поставим вопрос об идеологической составляющей этого текста и самой личности Рунеберга в структуре первого очерка.

Полное название очерка — «Исторические судьбы Финляндии и ее отношения к Швеции и России» (ср.: «Балтийский край в историческом отношении»). Главный смысловой акцент очерка о Финляндии — исторически раскрыть, а точнее — сконструировать модель отношений в конфликтном треугольнике трех наций. Й. Л. Рунеберг — финский поэт, писавший по-шведски, один из основоположников национального финского движения. Вместе с тем, Николай I пожаловал ему звание профессора, Александр II наградил орденом

св. Анны 2-й степени и возвел в степень доктора богословия. С 1876 г. он являлся почетным членом Российской Академии Наук. Вероятно, поэт виделся из метрополии фигурой, воплощавшей собой идеальный пример адаптации финна как лояльного подданного. Рунеберг представлялся одним из положительных финских типов национальной самоидентификации в империи.

Стихотворение Рунеберга «Наш край» открывает его знаменитый цикл «Сказания фенрика Столя», который повествует о событиях последней русско-шведской войны. Одно из стихотворений названо именем русского полководца — «Кульнев» (1848), его, в частности, перевел Я. К. Грот. Напомним, что в течение финской кампании подполковник Я. П. Кульнев был сначала представлен к чину полковника, а затем генерал-майора.

До сей поры хранят в домах
 Портрет огромной бороды <...>
 Мы приняли удар
 Его, как молнию из туч,
 Который был силен, могуч,
 И, невзирая ни на что,
 Влюбились мы в него. <...>
 Хотя рука его несла
 Нам раны и страдания,
 Для нас герой он навсегда,
 В нем видели себя [Рунеберг: 111; 113; 115].

Текст Рунеберга мог восприниматься, с официальной точки зрения, как выражение ожидаемых и воображаемых идеальных чувств и мыслей побежденных финнов по отношению к покорившему их народу. Этот новый, конструируемый литературой, подданный проникнут невольным уважением к живому символу империи — к русскому полководцу.

С другой стороны, десятью годами ранее Булгарин создал несколько иную модель отношений русских офицеров в Финляндии и тамошних «воображаемых» подданных. Булгарин писал в «Летней прогулке по Финляндии и Швеции в 1838 году»:

Красота и благонравие здешних женщин, **добродушие** и **гостеприимство** <здесь и далее выделено мной. — Т. Г.> всех вообще жителей Финляндии, и тихая, безмятежная и дешевая жизнь, отсутствие обременительной роскоши привязывают к этому краю всех Русских, которые имеют истинное понятие о счастии и жизни <...>. Я говорил со многими образованными офицерами, и **все они хвалят Финляндию**. <...> Россия приняла в недро свое народ нравственный и спокойный <...> [Булгарин 1838: II, 352–354].

Соединение таких характеристик, как «тихая, безмятежная» (жизнь), «нравственный и спокойный» (народ) формирует общее представление о *доброжелательности* Финляндии и финнов. Эти этнографические характеристики, в идеологическом контексте николаевской эпохи, подтверждали удачную правительственную политику на окраине империи. Подобная точка зрения выражена и в «Воспоминаниях Финляндского уроженца о Родине», которые были сначала опубликованы в газете «Московские Ведомости», а затем отдельной брошюрой в 1853 г. Автор, по происхождению шведский финн, писал:

После двадцатипятилетней отлучки я снова посетил любимую родину. Ее жителей я нашел привыкшими к новому порядку вещей с 1808 года, и верно преданными своему новому правительству, которое со своей стороны попечительностью о своих подданных и мудрыми постановлениями со дня на день усиливает и укрепляет признательность и преданность Финского народа [Воспоминание очевидца: 31].

С последней четверти XIX в. традиционный текст о Великом Княжестве Финляндском (повествующий о природе, рыбаках, городах и т. д.) дополняется, однако, новым жанром — рассказом о социальном конфликте между финном и русским². Эти

---

² Публицист и цензор Ф. Еленев, автор книги «Финляндский современный вопрос по русским и финляндским источникам» (1891), в предисловии недоумевал: «Для русских, имевших случай жить в Финляндии, долго оставался нерешенным вопрос: каким образом мог сложиться в этой провинции русского государства такой порядок, что государственная власть России явно там попирается,

истории, публиковавшиеся в российских газетах монархической ориентации, позволяют проследить процесс литературного осмысления и конструирования взаимодействия между метрополией и окраиной империи (см. также: [Витухновская]). Рассмотрим подробнее одну из стратегий в описании социальной коммуникации между русскими и финнами.

В 1893 г. 26 октября на страницах военной газеты «Разведчик» появляется статья под заголовком «Оскорбление финляндцами русских офицеров» (это событие было сначала освещено в «Сыне Отечества», № 254). История получила огласку, когда командир Свеаборгского военного порта получил рапорты от капитана русского судна Фелькерзама и его старшего инженер-механика Большакова и лейтенантов фон Транзе и Скорупо. В газете дело об оскорблении изложено так:

14 июля Большаков, будучи в городе Котке, зашел в кофейню Universal-Garded и там, **без всякого повода**, подвергся **оскорблению действием** со стороны **одного из местных обывателей**, городского инженера Борхардта, который подошел к нему и толкнул его в грудь, а присутствовавший в кофейне, при помянутом случае, местный городской фискал (**полицеймейстер**) Стенберг, в ответ на просьбу, обращенную к нему Большаковым непосредственно после оскорбления и повторенную затем несколько время спустя вместе с лейтенантами фон Транзе и Скорупо, <...> — **словами и жестами оскорбил помянутых офицеров**. <...> это уже не первый раз, как **грубые нападения** производятся в Финляндии **на наших морских офицеров местными обывателями, без всякого повода** со стороны первых. Я разумею при этом оскорбление действием, нанесенное **капитану**

а русские люди, православная религия и ее служители подвергаются систематическим преследованиям и оскорблениям?» [Еленев: 5]. Автор намеревался написать специальное сочинение «Финляндия и положение в ней русских», в котором он хотел привести многочисленные примеры оскорбительного поведения финнов по отношению к русским, относящиеся к 1860-м гг. (В это время Еленев также посетил Великое Княжество Финляндское). В этом виде замысел книги остался нереализованным, но в 1893 г. вышло его сочинение «Учение о финляндском государстве».

2-го ранга Спищину в Гельсингфорсе в июле 1889 года столяром Старакампом, и раны ножом, нанесенные там же лейтенанту Бажинову и матросу Арсянинову [Оскорбление русских: 855].

Этот текст, кроме сообщения актуальной информации, закрепляет негативный образ финна, который, в том числе, разрабатывался тогда в официальной идеологической практике. В рамках статьи происходит постоянное расширение круга лиц: количественное (от одного до нескольких) и качественное (от солдата до офицера и капитана корабля). Параллельно сообщаются сведения о степени тяжести наносимых оскорблений: от грубых выражений — к некоторым действиям — до ножевого ранения. От начала к заключению текста риторическая агрессия нагнетается: сначала оскорбляет один финляндец, затем нападают уже несколько. В описываемые происшествия постепенно вовлекаются представители разных социальных слоев финской нации (инженер, столяр, полицейский — этот список будет расширен за счет других статей; появятся издатель газеты, представители финского корпуса, студент, кучер и др.). Частный эпизод становится характерным примером этнополитического конфликта именно потому, что статья насквозь прошита повествовательными клише из тиражируемого набора конструкций на тему «оскорбления русских финляндцами».

Обратимся к идеологическому проекту газеты «Московские Ведомости» как одному из главных источников такой практики. В 1891 г. выходит первый выпуск сборника «Финляндская окраина России», в 1894 г. — второй и в 1897 г. — третий. Это, как следует из второй части заглавия, «Сборник статей, очерков, писем, документов и иных материалов для изучения так называемого “Финляндского вопроса”». В исторической перспективе данное издание осуществляло идеологическую подготовку к лишению Финляндии особых привилегий и утверждению на территории Княжества «объединительных» законов Российской империи. (Попытка уничтожения автономии была предпринята назначенным в 1898 г. генерал-губернатором Н. И. Бобриковым, который впоследствии пал жертвой террористического акта в Гельсингфорсе).

Первый выпуск сборника открывается перепечаткой статей М. Н. Каткова. Сборник состоит из опубликованных в «Московских Ведомостях» текстов разных авторов, среди них был, например, К. Ф. Ордин, автор книги «Покорение Финляндии. Опыт описания по неизданным источникам» (1889). В указанном сборнике статьи по историческим, административным, финансовым, таможенным, военным, судебным и другим вопросам сопровождаются сообщениями из неполитической жизни.

Как живетя Русским в Финляндии (МВ. 1890. № 82. 24 марта). Нам пишут из Гельсингфорса: <...> Днем по Эспланаде (главной улице города) шел с **женой** и **ребенком** артиллерийский **офицер** М. <...> **Вдруг** на них напал **какой-то** Финляндец и **ударил жену** г. М. <...> По жалобе М. дело попало в местный ратгауский суд, причем выяснилось следующее: 5 марта кузнец Линдель напал на жену офицера М. и ударил ее ключем в глаз. Когда г. М. хотел свести его в полицию, то он стал сопротивляться. Посаженный, наконец, на извозника, Линдель дорогой сбил с г. М. фуражку. На суде он заявил будто был пьян и ничего не помнит [Финляндская окраина: I, 236–237].

Описанное нападение характеризуется как внезапное и беспричинное, следующие идеологические тексты закрепляют в памяти читателей эти определения как нормативные и как доминантные черты национального поведения. Каждый новый текст повторяет мотивы предыдущего и прибавляет новые идеологические обертоны к общей теме «оскорбления титульной нации на окраине империи». Таким образом, в упомянутом сборнике планомерно создается единый текст об образе финна. Другая заметка:

Положение Русских в Финляндии (МВ. 1890. № 104. 17 апреля). 27 марта русский солдат минной роты расположенный в Выборге, исповедовавшись в православной выборгской церкви, вышел оттуда и присел на скамейку вблизи церкви. В это время к нему подошел **какой-то** Финн и, ударив его **ножом** в спину, нанес ему тяжелую рану.

Первая часть статьи укладывается в намеченную фабулу об оскорблении (вдруг неизвестный финн подходит к русскому и

наносит ранение). Отличия наблюдаются в выборе оружия (вместо ключа появляется нож) и в изменении статуса действующих лиц: вместо женщины (жены офицера) пострадавшим оказывается мужчина (солдат). Количество и сила оскорблений начинают возрастать. Заметка заканчивается введением принципиально нового сюжета:

<...> Незадолго пред описанным выше преступлением в Выборге, Фридрихсгамский городской суд как бы поощрил выборгское преступление, не найдя виновными Финляндцев напавших с ножами на ночной патруль из русских солдат, несмотря на то, что один из них был задержан патрулем [Финляндская окраина: I, 258].

Правовая незащищенность русских как следствие безнаказанности финляндцев, их пренебрежение к закону становятся лейтмотивом во всех описаниях. Приведем пример из типичного текста этого жанра — статьи «Бывший моряк. О любви финляндцев к Русским»:

Доказательством их дружелюбия может служить уже одно то, что командиры русских судов, при посещении Финляндии, стараются возможно реже и в меньшем количестве отпускать в городах команду на берег, — и делается это именно в виду того, что Финляндцы постоянно заводят неприятности с русскими матросами, — неприятности, которые не раз заканчивались избием матросов. <...> Но почему же этого не делается в Ревеле, Риге и прочих городах, населенных Немцами? Нет, не в русских матросах тут дело, а **в Финляндцах и их ненависти к Русским**. <...> Финляндцы при первой возможности стараются сделать Русским неприятность: не только матросы, но и офицеры не гарантированы от могущих произойти столкновений, примеров чему было множество. Смелость Финляндцев при этом происходит, главное, от того, то по большей части они или совсем не страдают за свои поступки, или отделяются очень легким взысканием. Интересно, между прочим, еще и то, что блюстители порядка, городовые, как-то всегда исчезают именно, когда является в них надобность [Там же: I, 295].

«Московские Ведомости» создали новую стратегию в описании межнациональных отношений между русскими и финна-

ми. Произошел почти полный (за одним исключением) отказ от изображения позитивного образа финна. В новом историческом контексте оказывается востребованной ранее скрывавшаяся от широкой публики негативная информация о конфликтах между титульной нацией и коренным населением. Это целенаправленно работало на создание представления о финне-враге, прячущемся под маской подданного. Этот проект разрушал сформированной литературой миф о финнах как о законопослушной нации. Подчеркнем, что еще в 1880-е гг., например, в очерке о финском народе в альманахе «Живописная Россия» автор в перечне содержания специально выделил как этнокультурную черту финнов — «Уважение к закону».

Другой составляющей проекта «Московских ведомостей» было описание оскорблений финляндцами православной церкви и ее представителей. Богохульство, антихристианская, языческая враждебность финнов являются лейтмотивами этих статей. Приведем примеры:

Издаательства над православным духовенством (МВ. 1890. № 82. 24 марта). <...> отец Казанский сообщил <...> «имя Русского обратилось в ругательное название», что православному священнику на улице нередко приходится слышать бранные слова — «русская собака», — что бывают случаи, что пред похоронным шествием пляшут с неприличными телодвижениями и т. д. <...> другой подобный же случай произошел в самом Гельсингфорсе. По Казарменной улице (в центре города) около 12 часов дня шел русский священник. **Вдруг какой-то** Финляндец **подходит к нему сзади** и довольно сильно дергает за волосы. <...> На другой день священника пригласили в полицию. Полицмейстер города <...> выразил намерение непременно передать дело в местный, так называемый ратгауский суд. Но оказалось потом, что это было сказано «сгоряча»: виновного отпустили из полиции без привлечения к суду, и он успел даже уехать в какой-то другой город [Финляндская окраина: I, 235–236].

Вторая часть текста строится согласно повествовательной рамке «оскорбления русского воина финляндцами», что проявляется в выборе фразы-клише. От текста к тексту тематический репертуар расширяется за счет переосмысления литера-

турного образа финна и усиления общей отрицательной риторической интонации. Вместо верноподданного финского рыбака (из повести Н. В. Кукольника 1845 г. «Егор Иванович Сильвановский, или завоевание Финляндии при Петре»), в новом историческом контексте оказывается востребованным неромантический рассказ о враждебном финском рыбаке, рабочем:

Вопрос о Валаамском монастыре. (МВ. 1890. № 195. 17 июля). «<...> **рыбаки**, приезжающие на Валаамские острова с финляндской стороны часто **неприличным и грубым поведением** отплачивают за гостеприимство, оказываемое им монастырем. В тех избушках, которые братия построила <...>, иногда выламываются двери и окна, и производятся другие опустошения. <...> недавно, когда монах, по окончании еды, перекрестился и благодарил Бога за трапезу, пригласив и **финских рабочих** поблагодарить Бога, один из рабочих поднялся из-за стола и **грубо повернулся спиной к изображению святого**, говоря, что он так обнаруживает свою благодарность» [Финляндская окраина: I, 417].

Сюжет оскорбления государственной религии на окраине империи завершается в статье «Сожжение иконы финскими солдатами. (Нам пишут из Гельсингфорса)»: «В киот же вставлена была нарисованная тем же или другим солдатом (тут рассказы расходятся в показаниях) человеческая фигура с рогами» [Там же: II, 453].

В сборнике «Финляндская окраина России» тематический подбор текстов из неполитической жизни не случаен, а продуман и последователен, он призван отменить положительные стереотипы и сконструировать негативные.

Стереотипы можно представить в виде идеологических контейнеров, которые, в зависимости от задачи, наполняются тем или иным содержанием, разбираются, опустошаются. Тексты из цикла «оскорбление титульной нации на окраине империи» имеют отчетливо монтажный и мозаичный характер. Взаимопроницаемость ситуаций и взаимодополняемость всех акторов формируют общий квазилитературный сюжет с разбойничьей интригой.

Главный вопрос: какую идеологическую пользу для государственного строительства представляла избранная страте-

гия — вывести отрицательный образ «своего» подданного, формируя представление об унижаемом финляндцами русском воине и оскорбляемой православной вере на окраине империи?

Создаваемый образ врага позволял использовать его как риторический аргумент в общественно-политической полемике между метрополией и окраиной империи, отраженной на страницах сборника «Финляндская окраина России». Эта идеологическая практика, подразумевающая противопоставление «свой» ↔ «чужой», открывала возможность начертить альтернативный, положительный образ финского верноподданного. Рассмотрение всех текстов представленного жанра позволяет выделить две особенности:

1. «Какой-то финн» посягает словом и делом на два имперских концепта: «православие» (в лице русской церкви и ее святынь) и «самодержавие», традиционным живым символом последнего является русский солдат.

2. Образ оскорбляющего финна включает представителей разных социальных слоев, кроме одного — крестьян, тех, которые изначально и формируют третий имперский концепт — «народность».

В первом выпуске сборника опубликована статья «Финляндский уроженец. Проповедники сепаратизма и финский простой народ. Письмо к издателю «Московских ведомостей»» (МВ. 1890. № 301. 31 окт.):

Рассказ его <...> рисует характер угрюмого по природе, мало, но веско говорящего, простого Финна-поселянина. «Ездил я нынешним летом в Гельсингфорс по своим делам, — так рассказывал он, — сижу там на скамейке в одной аллее. Со мной рядом сел один господин. В это время проходил мимо по улице гельсингфорский финский стрелковый батальон. Я говорю сидевшему рядом со мной:

— Вот наших молодцов учат маршировать, чтоб умели маршировать, когда пойдут в русские лагеря.

На это господин сердито отвечает:

— Мы не какие-нибудь русские подданные: у нас свое войско.

Рассердился я от таких слов и говорю:

— Как так мы не русские подданные? Чьи же мы тогда? Царь у нас Русский. Что же мы можем без него сделать? Как же мы не русские подданные?

Рассердился я и ушел прочь, оставил его одного сидеть» [Финляндская окраина: I, 528].

В идеологической конструкции финские крестьяне оказываются не простыми *подданными*, а именно *верноподданными*, потому они и являются истинными представителями своего народа, получают право говорить от лица всей нации. В 1900 г., в первый год издания, «Финляндская газета» опубликовала в двух номерах текст «Русские цари и финский народ. Фельетон». Материалы характерным образом касались исключительно Александра I и Николая I, отсутствовали Александр II, Александр III, Николай II.

Это тем более знаменательно, что в царствование Николая I Финский Сейм не собирался. Он вообще заседал один раз — после присоединения Финляндии к России при Александре I в 1809 г. — и затем возобновил активную деятельность в эпоху Александра II с 1863 г. Ср. характерный рассказ «Московских Ведомостей»:

А приходилось слышать от поселян и такие вопросы: — Зачем еще дела на сейме рассматриваются? Ведь умел бы Государь и один решить. Есть ведь у Него там и у Себя довольно советников. Из этого видно, что простой народ в Финляндии вовсе не претензии, если дела решаются помимо сейма, Самим Государем. Напротив, народ этого именно и желает» [Там же: I, 529].

Интересно отметить общую закономерность: авторы различных «финских» имперских идеологических проектов в разное время объявляют идеальной эпохой царствование Николая I. Автор очерка «Финское племя» в альманахе «Живописная Россия» в заключение подчеркивает в финнах «уважение к святости присяги и к закону» и приводит характерный диалог между царем и приехавшим из Финляндии сенатором. Разговор происходит в эпоху французской революции 1848 г.: «...что, у вас там волнуются, бунтуют? <...> наш народ знает

закон, запрещающий бунты: а разве он решится нарушить закон?» [Живописная Россия: I, 76].

Как видно из приведенных примеров, проект «Финляндской газеты» учитывал опыт идеологических практик предшествующего века и строился, в том числе, как новая мозаичная комбинация из старых известных элементов. Акцентированное обращение к фигуре Николая I позволяло реконструировать «воображаемый» *позитивный* опыт совместного проживания, который создавался в ту эпоху.

В «Фельетоне» именно Николаю I преподнесена, например, «Хвалебная ода старика Лютинена»:

Император Николай Первый, Государь Великий! / Знаменитый, славою богатый, чье Имя и дела далеко превозносятся. // Владыка обширного царства, кроткий, милостивый во всем, кто Ему служит, / Он помнит бедных, печется о смиренных, сидя на престоле славы. // Герой в войне, Он был велик, сражаясь в Турции и в Польше, могуч / Он был для победы, для отраженья сильных неприятелей [Русские цари: 117, 2].

Первые три строфы по идеологическому наполнению должны восприниматься в литературном контексте «Народных песен» В. А. Жуковского, созданных в эпоху становления теории официальной народности. Первая песнь поэта представляет текст гимна Российской империи: царь предстает как «Сильный, державный», народ его призывает царствовать «на славу нам», «на страх врагам». В третьей песне к образу царя добавляются новые черты: «Гордых смирителю <в контексте начала 1830-х гг. строка звучала как отсылка к польским событиям. — Т. Г.> / Слабых хранителю, / Всех утешителю» [Жуковский: II, 296]. В финской оде царь Николай соответствует изображенному образу монарха из «Народных песен». Это — царь-батюшка (сильный и заботливый), защитник от внешних врагов и хранитель внутреннего спокойствия. Прагматика идеологической соотнесенности между двумя текстами оказывается актуальной в ситуации нового XX в. и «объединительной» политики генерал-губернатора Бобринского. Голосом «старика Лютинена» истинный финский народ в 1900 г. подтверждает присягу на верность Российскому императору.

Имперские идеологи конструируют «новый» образ верно-подданного финна, который определяется не этнонациональным самосознанием, а принадлежностью к империи. Характерна в этой связи четвертая строфа: «Суомия! Умей ценить свое счастье в то время, как наслаждаешься им, как находишься под Его державою. Преклонись и благодари Государя, когда Он посылает милость и носит сердце отеческое» [Русские цари: 117, 2].

Таким образом, к началу XX в. в официальной идеологической практике создается собственный миф о финской национальной идентичности. Стратегия выстроена в двух направлениях: тексты об оскорблениях русских финляндцами параллельно сопровождаются лубочными рассказами о встрече русского царя и финского простого народа. Старый, национальный стереотип финна-чухонца заменяется новым, этнополитическим. На имперской ментальной карте появляются два финна — *формально подданный* (определяемый как «туземец») и *верноподданный* Русского царя. Вместе с тем, новая стратегия — показ негативного портрета финна, а затем и исторические события — революция 1905 г. и Первая мировая война — дали возможность показать широкой публике истинное положение дел в Великом Княжестве Финляндском, в том числе, в царствование Николая I. Крупнейший историк вопроса М. Бородкин писал: «Если о воссоединении со Швециею более никто из финляндцев не думал, то и полного слияния с Россией никто не желал. Русский элемент был и остался чужеземным и никогда не мог сделаться своим» [Бородкин 1915: 540]. Идеологический проект XIX в. себя полностью изживает к началу войны 1914 г. — когда уже открыто проявляет себя «финский» проект XX в.

ЛИТЕРАТУРА

- Бородкин 1908: *Бородкин М.* История Финляндии. Время Императора Александра II. СПб., 1908.
- Бородкин 1915: *Бородкин М.* История Финляндии. Время Императора Николая I. Петроград, 1915.
- Булгарин 1839: *Булгарин Ф. В.* Летняя прогулка по Финляндии и Швеции в 1838 году. СПб., 1839. Ч. 1–2.
- Витухновская: *Витухновская М. А.* Бунтующая окраина или модель для подражания: Финляндия глазами российских консерваторов и либералов второй половины XIX — XX вв. // Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России. Великий Новгород, 2004.
- Воспоминание уроженца: Воспоминания Финляндского уроженца о Родине. Университетская Типография. 1853.
- Еленев: *Еленев Ф.* Финляндский современный вопрос по русским и финляндским источникам. СПб., 1891.
- Живописная Россия: Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении / Под ред. П. П. Семенова. СПб.; М., 1882. Т. II. Ч. 1–2.
- Жуковский: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч.: В 20 т. М., 2000. Т. II.
- Лескинен: *Лескинен М. В.* Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в.: «другой» сквозь призму идентичности. М., 2010.
- Оскорбление русских: Оскорбление русских офицеров // Разведчик. 1893. № 159. 26 окт.
- Рунеберг: *Рунеберг Й. Л.* Избранное. СПб., 2004.
- Русские цари: Русские цари и финский народ. Фельетон // Финляндская газета. 1900. № 114; 117.
- Финляндская окраина: Финляндская окраина России. Сборник статей, очерков, писем, документов и иных материалов для изучения так называемого «Финляндского вопроса» / Издал Сергей Петровский. М. (Вып. 1., 1891; Вып. 2., 1894.; Вып. 3, 1897).